

Соколов Александр Иванович

Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет),
Россия, 190013, Санкт-Петербург, Московский пр. 26
Институт лингвистических исследований РАН,
Россия, 199044, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
albanev@ya.ru

Малышева Ирина Алексеевна

Институт лингвистических исследований РАН,
Россия, 199044, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
iamalysheva@mail.ru

Тюркизмы в одном из ранних русских переводов XVIII века

Для цитирования: Соколов А. И., Малышева И. А. Тюркизмы в одном из ранних русских переводов XVIII века. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (1): 187–201. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.110>

В статье рассматриваются тюркские заимствования как часть иноязычной лексики в русском языке начала XVIII века. Материалом исследования послужил перевод популярного трактата XVII века «The History of the Present State of the Ottoman Empire», сочиненного английским дипломатом Полем Рико (Рикотом) и переведенного впоследствии на ряд европейских языков. Русский перевод («Гистория управления настоящего Оттоманской империи») был сделан П. А. Толстым с итальянской версии трактата в 1702–1714 гг. и опубликован под названием «Монархия Турецкая» в 1741 г. Анализируются способы фонетической (орфографической) и морфологической передачи тюркизмов путем сравнения типографской рукописи для набора с правками 1725 года и печатного текста. Сопоставляются способы передачи указанных заимствований с их формами в итальянской версии трактата, а также в его польском переводе, так как последний, по-видимому, использовался в процессе типографской правки русского текста. Выявлен ряд искаженных форм тюркизмов, появившихся в русской «Монархии» в результате механического переноса опечаток из итальянского перевода. Описаны некоторые тенденции морфологической адаптации существительных тюркского происхождения в русском языке. Установлено, что передача сложных существительных, оформленных в тюркских языках как изафетные конструкции, представляла собой главным образом копирование их форм из итальянского перевода. Случаи передачи изафета в «усеченной» форме, т. е. без специального суффикса поссесивности, связаны с лексически ограниченным диапазоном второго элемента изафетной конструкции. Большая часть тюркизмов в «Монархии Турецкой» — экзотизмы, но, вероятно, актуальные для русского читателя XVIII века. Отсюда следует, что принципы включения экзотизмов в «Словарь русского языка XVIII века» требуют уточнения, в том числе и потому, что ряд тюркизмов, обозначающих конфессиональные понятия, в современном русском языке является частью активной лексики.

Ключевые слова: русская историческая лексикология и лексикография, тюркизмы, Поль Рико, *Монархия Турецкая*.

Введение

Процессы адаптации заимствованной лексики в русском языке XVIII в. достаточно подробно исследованы на материале заимствований из европейских языков (см., напр., [Биржакова и др. 1972]). Параллельно отмечается стойкий интерес к диахроническому изучению той части лексики русского языка (и шире — славянских языков), источником которой являются заимствования из тюркских языков или же (через тюркское посредство) из других языков, прежде всего из персидского и арабского ([Каримуллина 2007; Керами 2004; Кокмазова 2004; Grannes 1980; Stachowski 2018a; Graham 2015] и др.).

В связи с этим для исследователей русского языка XVIII в. приобретает дополнительную актуальность фиксация и описание тюркизмов из оригинальных и переводных источников (в том числе из числа ранее не изученных), определение их места в лексической системе, динамика употребления, а также уточнение формата их представления в «Словаре русского языка XVIII века» [СРЯ XVIII].

«Монархия Турецкая» (год выхода в свет — 1741) представляет собой опосредованный перевод известного трактата «The History of the Present State of the Ottoman Empire», написанного в XVII в. английским дипломатом Полем Рико (Рикотом). Текст перевода состоит из трех книг, каждая из которых включает более десяти глав. В русских библиографических источниках «Монархия Турецкая» формально (т. е. по информации на титуле) значится как перевод с польской версии первоисточника [Сводный каталог 1966: 36], которая, в свою очередь, является переводом с французского. В действительности, как это было установлено С. И. Николаевым более 30 лет назад, русский перевод был сделан в 1702–1714 гг. с итальянского языка, а в процессе правки, по всей вероятности, использовался польский текст [Николаев 1988: 164] (см. также: [Соколов, Малышева 2019]).

Сравнение трех переводов (итальянского, польского и русского), а также анализ типографской правки в рукописи для набора¹ дает возможность установить ряд особенностей передачи тюркизмов в русской версии «Монархии»² и проследить некоторые тенденции в их фонетическом и морфологическом оформлении.

¹ В Библиотеке АН (Санкт-Петербург) хранятся две рукописи под названием «Гистория управления настоящего империи Оттоманской». В одной из них содержится указание на то, что перевод сделан с итальянского языка П. А. Толстым (ф. 31.3.22). Другая представляет собой типографский вариант рукописи с редакторской корректурой справщика и с указанием на то, что в правке рукописи принимал участие сын П. А. Толстого Иван (ф. 34.5.28).

² В частности, в русской «Монархии» фиксируются тюркизмы там, где в итальянском и польском переводах используются иные слова. Так, в первых двух книгах «Монархии» для обозначения мелкой серебряной монеты во всех трех переводах отмечено слово *аспра* (*аспр* из греч. ἀσπρον (< лат. *asper*) [Фасмер, т. 1: 93; Аникин, вып. 1: 319–320]): 300 000 *Аспр* (Рикот. С. 16), ср.: 300000. *Aspri* (Ricaud it. S. 16), *Trzykroć sto Tysięcy Aspr* (Ricot pl. S. 15). В третьей книге наряду с *аспра* в русском переводе фиксируется тюркизм *ахчи* (от тур. *akçe* ‘беловатый’ [Škalić 1966: 78]; см. также: [Аникин, вып. 1: 136]): *по двѣ Ахчи* (Рикот. С. 242), *по двенатцати Ахчеи* (Рикот. С. 243), ср.: *di due Aspri* (Ricaud it. S. 258), *di dodeci Aspri* (Ricaud it. S. 259); *o dwie asprze* (Ricot pl. S. 221), *dwunastu aspr* (Ricot pl. S. 222). Причем в типографской рукописи справщик правит черными чернилами *ахчи* на *аспры* (Гистория. Л. 165, 166 об., 168), однако правка по непонятным причинам игнорируется, в результате чего в печатном тексте тюркизм сохраняется (Рикот. С. 242, 243, 246). В описании ареста изменника Бектаса в переводе использовано слово *катырь* ‘помесь жеребца и ослицы’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 7: 93]: *Но на другои день будучи объявлен от нѣкотораго челоувѣка, взят и посажен на Катыря*

Фонетическая адаптация

Следует иметь в виду то, что русская «Монархия» — это практически дословный перевод с итальянского. При передаче тюркизмов переводчик обычно ориентировался на их написание в итальянской версии, почти абсолютно совпадавшее с орфографией тюркизмов во французском переводе, а тот, в свою очередь, мало отличался от английского оригинала по написанию указанных слов. Орфографическое отражение заимствований влияло на способы их передачи и в русском переводе (трансфонирование, транслитерация, смешанный способ), показывая различие фонетических систем тюркских языков (турецкого языка, в частности) и языков европейских (индоевропейских).

Особые гласные турецкого языка, отсутствующие в русском, передавались по-разному. В русской «Монархии», например, нет унифицированной передачи тур. [ü]: *müftü* — *муфтий*, *büyük* — *бююк*, *küçük* — *кучюк*. Однако там, где турецкому гласному есть аналог в русской фонетической системе, он присутствует и в орфографическом облике тюркизма. Так, отражение тур. [ı] > рус. [ы] находим уже в типографской рукописи, т. е. до правки: *Капа агасы* (Гистория. Л. 29 об.), *Валедеагасы* (Гистория. Л. 30) и др. Встречающиеся в рукописи формы типа *Кизлар* (Гистория. Л. 29 об.) или *намази* (Гистория. Л. 144 об.) на стадии редактирования подвергаются правке с заменой *и* > *ы* согласно закону сингармонизма (правка черными и красными чернилами соответственно).

Интерес представляет фонетическая адаптация слова *ич оглан*³. В типографской рукописи в начальных главах, где слово появляется впервые, мы находим итальянизированную форму *паджа* (Гистория. Л. 19 об., 28, 28 об., 29) < ит. *raggio* ‘паж’. Справщик последовательно заменяет ее на тюркизм, причем в фонетическом облике *ичуглан*, мн. *ичугланы* (ср. ит. и пол. мн. ч. *gli icoglani, Iczoglani*), т. е. с меной *о* > *у*. Аналогична в русском переводе фонетическая передача слова *аджамуглан*⁴ (Рикот. С. 52 и др.), а также *дуганджи*⁵ (Рикот. С. 26), с *Сулаками*⁶ (Рикот. С. 251), *чурбачей*⁷ (Рикот. С. 251)⁸.

и приведен... до Султана, где был задавлен (Рикот. С. 30). Из синонимического ряда исконных и заимствованных слов, известных, безусловно, переводчику (*меск, лошак, мул, а также тюрк. ишак*), он отдает предпочтение тюркизму, известному в русском языке с середины XVI века. Ср.: *fù preso, e posto sopra un tulo* (Ricaud it. S. 30); *wzięto go tedy wsadzono na muła* (Ricot pl. S. 29).

³ В статье орфографическим ориентиром служат современные формы написания тюркизмов, предложенные в переводе академического издания «История Османского государства, общества и цивилизации». Ср. *ич оглан* [Ихсаноглу 2006: 112 и др.] — ‘слуга-иноверец во внутренних покоях султана’. От тур. *ıçođlan: ıç* ‘внутренний’, *ođlan* ‘мальчик, юноша’ [Škalić 1966: 339].

⁴ *Аджеми оглан* [Ихсаноглу 2006: 116 и др.] — ‘слуга-иноверец, выполняющий различные хозяйственные работы при дворе султана’. От тур. *asami ođlan* ‘чужеземное дитя’ (< араб. *ađamiyy* ‘иностранец, не араб’) [Škalić 1966: 70].

⁵ *Доганджи* [Ихсаноглу 2006: 376] — ‘сокольный’. От тур. *dođan* ‘разновидность сокола’ + суфф. *ci* [Škalić 1966: 222].

⁶ *Солак* [Ихсаноглу 2006: 119, 274 и др.] — ‘воин одного из янычарских корпусов; лучник’. От тур. *solak* ‘левша’ [Škalić 1966: 569].

⁷ *Чорбаджи* [Ихсаноглу 2006: 174 и др.] — ‘начальник одного из янычарских формирований’. От тур. *çorbacı* (< перс. *šurbā* ‘мясной бульон’ + тур. суфф. *ci*) [Škalić 1966: 180].

⁸ Данная передача, однако, непоследовательна, без признаков унификации, так как в печатном тексте (и, следовательно, в типографской рукописи) отмечены формы *доганджи*, *Доган баши* (Рикот. С. 26, 39), *Солак-Баши* (Рикот. С. 251).

М. Стаховски, рассматривая историю слова *рахатлукум* в славянских языках, отмечает, что мена *lo* > *lu* в данном слове в восточнославянских языках представляет собой более позднее явление, возникшее под влиянием кыпчакских языков [Stachowski 2018b: 108]⁹. Тюркологи, кроме того, подчеркивают, что переход общетюркского **o* > *y* в кыпчакских языках (татарский, башкирский и др.) явление сложное, так как в нем «рудиментарно прослеживается определенная единая древняя тенденция, отчасти совпадающая даже по своим следам в самых разных тюркских языках» [Тенишев 1984: 156].

В нашем случае можно лишь предполагать, что эпизодически на стадии подготовки типографской рукописи, а позже к ее правке мог привлекаться консультант — носитель (или знаток) татарского или башкирского языков.

В то же время и в типографской рукописи, и в печатном тексте отмечены явно итальянизированные формы тюркизмов. В них, например, *z* то трансфонируется как [дз], то транслитерируется как [з] или [ц]: *Zangergi Basci* (Ricaud it. S. 40) > *дзангерджи баиша* (Рикот. С. 39), *Zulbentar-Aga* (Ricaud it. S. 40) > *дзулбентар ага* (Рикот. С. 38), *Zaim* (Ricaud it. S. 238) > *заим* и *цаим* (Рикот. С. 225), *Zacat* (Ricaud it. S. 222) > *цакат* (Рикот. С. 211); сочетание *ch* передается как [к], а сочетание *gh* — ошибочно как [дж]: *Chesneghir Basci* (Ricaud it. S. 40) > *кесниджир баиша* (Рикот. С. 39). Ср. передачу этих же слов в польском переводе: *Zagardzi Baszy* (Ricot pl. S. 37), *Tulbentar Aga* (Ricot pl. S. 37), *Zaim* (Ricot pl. S. 206, 207), *Zekiat* (Ricot pl. S. 194), *Czesnegir Baszy* (Ricot pl. S. 37). В результате русский перевод содержит ряд искаженных форм тюркизмов¹⁰. Природа их появления — перенос опечаток, допущенных в итальянской версии в процессе перевода французского текста: *дзангерджи баиша* — ср. *Zangergi Basci* (Ricaud it. S. 40) и *Zagergi Basci* (Ricaud fr. S. 96), *дзулбентар ага* — ср. *Zulbentar-Aga* (Ricaud it. S. 40) и *Tulbentar-Aga* (Ricaud fr. S. 95), *менелеви* (Рикот. С. 182)¹¹ — ср. *Meneleui* (Ricaud it. S. 189) и *Mevelevi* (Ricaud fr. S. 441). Кроме того, в русскую «Монархию» попали через итальянскую версию опечатки из французского перевода, например: *силхатары*¹² (Рикот. С. 240) — ср. *gli Silhatari* (Ricaud it. S. 257), *Silhatari* (Ricaud fr. S. 573–574). Ср. также: *Silahtari* (Ricaud en. S. 347) и *Silihtarowie* (Ricot pl. S. 219)¹³.

На ошибки в передаче тюркизмов в первом французском переводе «Монархии» (1670 г.) указывает В. Швайкард, при этом отмечая невысокое качество работы

⁹ «Języki wschodniosłowiańskie są jedynymi, które używają postaci *lukum* samodzielnie. Ponieważ wyparła ona dawniej dobrze w nich znane *lokum*, domyślam się, że jest postacią nowszą i ze względu na *lu-*, nie *lo-*, przypuszczalnie zapożyczoną z języków kipczańskich» [Stachowski 2018b: 108].

¹⁰ *Загарджибаши* [Ихсаноглу 2006: 278 и др.] — 'главный ловчий'; от тур. *zağar* 'охотничья собака' [Škalić 1966: 644] + суфф. *ci* + *baş* 'начальник, глава'. *Тюльбент агасы* [Ихсаноглу 2006: 375] — 'хранитель одежды султана'; от тур. *tülbent ağası*; *tülbent* (< перс. *dülbent*) 'тонкий, особой выделки материал для изготовления чалмы' [Škalić 1966: 622]. *Заим* 'феодал, владелец земли, получаемой за несение военной службы'; от тур. (< араб.) *zaim* [Škalić 1966: 645]. *Закият* [Ихсаноглу 2006: 328–329] — 'обязательная для состоятельного мусульманина ежегодная милостыня'; от тур. (< араб.) *zekât* 'очищение' [Škalić 1966: 649]. *Чашигирбаши* [Ихсаноглу 2006: 376] — 'главный дегустатор при дворе султана'; от тур. *çaşnigirbaşı*, где тур. *baş* 'глава, начальник'; из перс. *chāshnigir* 'a taster' [Richardson 1810: 212].

¹¹ *Мевлеви* [Ихсаноглу 2006: 4 и др.] — 'суфийский орден; член этого ордена, дервиш'. От тур. *Mevlevî* (< араб.) *Māwlawiyyū* [Škalić 1966: 462].

¹² *Силхатар* [Ихсаноглу 2006: 117 и др.] — 'конный отряд; кавалерист'. От тур. (< перс.-араб.) *silāhtar*, букв. 'оружейный мастер' [Škalić 1966: 564–565].

¹³ Приводя в ряде случаев параллели из польского перевода, мы пытаемся выяснить, в какой степени он использовался при типографской правке и насколько он влиял на изменения, вносимые в русский перевод.

автора итальянского перевода: «Переводчик, очевидно, не знает турецкого языка, поскольку переносит все типографские опечатки французской версии без какой бы то ни было правки» [Schweickard 2015: 190]¹⁴.

Заметим, что при подготовке русской типографской рукописи и в процессе типографской корректуры ошибки (опечатки), допущенные при передаче тюркизмов в итальянском тексте, исправлялись. Так, уже на стадии перевода устранялись опечатки итальянского варианта (во всяком случае, в рукописи их нет): в *Кучюк Аду*¹⁵ (Рикот. С. 35), ср.: *nel Chuckuk Odà* (Ricaud it. S. 37); *Эски-Адалар*¹⁶ (Рикот. С. 251), ср.: *Esckai Odalar* (Ricaud it. S. 268) и др.

В ряде случаев ошибки в итальянской версии «Монархии» (идушие, по сути, через французский перевод из английского оригинала) устранялись на стадии типографской правки. Так, в типографской рукописи вычеркиваются формы *Куслир* (Гистория. Л. 13), *Куцлир* (Гистория. Л. 17) и на поле выносятся форма *Кызлар* (правка черными чернилами)¹⁷, вошедшая в печатный текст: *Пошел тихо к хоромам Султанским встреться щасливо Кызлар Агу*¹⁸... *главу евнухов женских* (Рикот. С. 19). *Были увьрены от Сулеимана Кызлар Аги, что она не есть царица* (Рикот. С. 26). Ср.: *Kutslir Aga* (Ricaud it. S. 21, 26); *Kutzlir Agasi* (Ricaud fr. S. 46), *Kuslir Aga* (Ricaud fr. S. 52); *Kuzlir Agasi* (Ricaud en. S. 27), *Kuslir Aga* (Ricaud en. S. 30); *Kyzlyr Aga* (Ricot pl. S. 20, 25).

Исправляются явные описки, допущенные в процессе создания наборной рукописи: форма *догаджы* перечеркнута черными чернилами и на поле вынесено *доганджы* (Гистория. Л. 18); в форме прилагательного *Тептедарских*¹⁹ зачеркнута *нт* и сверху написано *фт* (Гистория. Л. 29 об.) и др.

В единичных случаях не замеченная справщиком погрешность (идущая из итальянского и французского переводов) исправлялась, по-видимому, на стадии набора: *Реканбтар Ага* (Гистория. Л. 39 об.) > *Рекибтар Ага*²⁰ (Рикот. С. 38). Ср.: *Rechinbtar-Agà* (Ricaud it. S. 40); *Rechinbtar-Aga* (Ricaud fr. S. 95).

И наоборот, мог ошибаться наборщик. Так, в типографской рукописи обозначение кондитера *холвачи*²¹ копируется из итальянского перевода, причем итальянская форма мн. ч. (*gli Holuagis*) ошибочно воспринимается как ед. ч., вследствие чего появляется искаженная, «удвоенная» форма мн. ч. *Холвачисы*²² (Гистория.

¹⁴ Здесь и далее перевод А. И. Соколова.

¹⁵ *Кючук ода* [Ихсаноглу 2006: 116, 375] — ‘первая ступень учебного заведения Эндерун’. От тур. *küçük* ‘малый’ + *oda* ‘комната’.

¹⁶ *Эскиодалар* [Ихсаноглу 2006: 270, 283] — ‘старые янычарские казармы’. От тур. *eski* ‘старый’ + *oda* ‘комната’ + *lar*, аффикс мн. ч.

¹⁷ При этом справщиком не была замечена и вошла в печатный текст ошибочная форма *Кызлыр*: *Кызлыр Ага, или началник над женами, то есть Евнух черной* (Рикот. С. 47).

¹⁸ *Кызлар агасы* [Ихсаноглу 2006: 139] — ‘старший евнух султанского гарема’. От тур. формы изафета *qızlar ağası*: *qızlar*, мн. ‘девушки’ + *ağa* [Škalić 1966: 410].

¹⁹ От искаж. *тефтедар(ь)* ‘главный казначей’. Ср. *дефтердар* [Ихсаноглу 2006: 119 и др.], от тур. *defterdar*.

²⁰ Искаж. тур. *рикабдар* [Ихсаноглу 2006: 117, 375] — ‘султанский конюший, стремянный’. Из ср. *raqāb* ‘стремя’ + суфф. *dār* [Richardson 1810: 289].

²¹ Искаж. тур. *helvası* < араб. *ḥalwā* + тур. суффикс *-cı* [Škalić 1966: 306].

²² Ср. параллельный случай, когда ошибочно воспринятая итальянским переводчиком во французской версии форма мн. ч. *Hogias, ou Maitres d'école* (Ricaud fr. S. 87) передается как форма ед. ч., и она механически переносится в русский перевод: ит. *Hogias, ò Maestro di Scuola* (Ricaud it. S. 37),

Л. 52 об.). При наборе, однако, форма еще раз искажается, в результате чего в печатном тексте находим: *Хловачисы, или Конфитуриеры* (Рикот. С. 52).

В некоторых случаях переводчик фонетически «русифицирует» заимствование в соответствии с законом редукции безударных гласных. Так, уже изначально, т. е. в типографской рукописи, тур. *oda* ‘помещение, комната’ передается как *адá*, с ударением на втором слоге (рукопись акцентуирована), и формы данного слова сохраняются в печатном тексте: *во Ада ту; Ада, сиртьчь Камора; Биюк Ада, Кучук Ада; Ада-Баши* (Рикот. С. 24, 35, 251). Точно так же передается форма *Бастанджи Баши*²³ (Рикот. С. 53). Справщик в форме *Топчиев* о исправляет на *а* (История. Л. 161 об., правка красными чернилами), и это исправление отражено в печатном тексте: *пять сот Топчиев*²⁴ (Рикот. С. 236).

На стадии правки в формах *Махомет, Махометов, махометаны, махометанство* поверх *х* черными чернилами вписывается *г* (История. Л. 109, 110, 117, 177 об.), при этом в формах *махометанин, махометанский* (История. Л. 141, 147 об.) аналогичной правки нет.

В процессе корректуры прослеживается попытка последовательной правки формы *спаг*²⁵, мн. *спаги, спахи*, на формы *сипага, сипаги* (История. Л. 9, 22, 166). Подобная правка наблюдается и в дериватах: *дъти Спагинские > Сипагінские* (История. Л. 166). Справщик игнорирует форму передачи слова в итальянском (*Spañi* — Ricaut it. S. 128 и др.) и польском (ед. *Spañá* — Ricot pl. S. 224), (мн. *Spañi* и *Spañowie* — Ricot pl. S. 219) переводах, ориентируясь, по-видимому, на тюркский прототип. В то же время заимствуемое слово осмысливается русским переводчиком как форма мн. ч., из которой конструируется ед. ч. *сипагá* — вероятно, по аналогии со словом *ага*.

Особо следует прокомментировать фонетическую вариантность слова *паша/баши*, встречающуюся в «Монархии». А. Шкалич отмечает, что в турецком языке слово *paşa* изначально имело форму *başa* [Škalić 1966: 511]. Согласно «Краткому оксфордскому словарю современного английского языка», *paşa* предположительно восходит к *başa < baş* ‘head, chief’ [COD: 747]. П. Скок, квалифицируя слово *паша* как балканский и европейский турцизм, уточняет его происхождение в турецкой административной терминологии. По его мнению, *paşa* (с меной *p > b*) восходит к тур. сочетанию *baş + ađa = ā*, т. е. *ađa*. Последнее же слово в исторической ретроспективе имеет значение ‘старший брат’ [Skok, knj. II: 617; Skok, knj. I: 12]. В русском языке XVIII в. одинаково используются обе формы²⁶. О том же свидетельствуют

рус. *Ходжас, или учитель школы* (Рикот. С. 36). От тур. *hoca, hase* (< перс. *hāġe*) ‘учитель в медресе’ [Škalić 1966: 332].

²³ *Бостанджибаши* ‘начальник службы безопасности столицы’ [Ихсаноглу 2006: 377]. От тур. (< перс.) *bostancıbaşı* [Škalić 1966: 148]: *bostan* ‘сад, бахча’ + суфф. *ci + baş* ‘глава, начальник’.

²⁴ *Топчу* [Ихсаноглу 2006: 132 и др.]. От тур. *topçu* ‘артиллерист’: *top* ‘артиллерийское орудие’ + суфф. *çu* [Škalić 1966: 619]. Одновременно зафиксированы формы *Офицеры Топчиевские, Топчи-Баши* (Рикот. С. 257).

²⁵ *Сипахи*, нескл., ед. и мн. [Ихсаноглу 2006: 16, 19 и др.] — ‘всадник, кавалерист’. От тур. *sipahi* (< перс. *sipāhi* ‘воин’) [Škalić 1966: 570].

²⁶ См. *паша* в СРЯ XVIII [СРЯ XVIII, вып. 18: 251]. Слово *паша* известно в русском языке с XV в. [СлРЯ XI–XVII, вып. 14: 180], при этом форма *баши* в указанном словаре не зафиксирована.

и материалы «Монархии Турецкой»: *Бастанджи Баша, или начальник садов* (Рикот. С. 53), *посадить за караул Бастанджа Пашу* (Рикот. С. 21).

Морфологическая адаптация

Правки, связанной с морфологической адаптацией тюркизмов, в типографской рукописи мало. Тем не менее нелишним было бы рассмотреть некоторые примеры морфологического оформления существительных в переводе «Монархии».

Существительные на твердый согласный (одушевленные и неодушевленные) обычно изменяются по второму склонению: *каждый заим, заимов* (Рикот. С. 225, 226); *имам* (Рикот. С. 42, 175); *Алкеран, для прочтения Алкерана* (Рикот. С. 206, 207); *Рамазан, языком Рамазана* (Рикот. С. 210); *часть сих Аджам-Угланов* (Рикот. С. 248), *к единому ичуглану* (Рикот. С. 45). В редких случаях (и только если существительное обозначает лицо женского пола), оно подвергается переоформлению и отходит к первому склонению: *старая госпожа имянуемая Кадыня*²⁷ (Рикот. С. 50).

К парадигме второго склонения частично оказалось отнесенным и слово *кегай* ‘помощник, заместитель’, образованное путем усечения конечного *-а* от тур. вульг. *kehaya*, литер. *kâhya* < перс. *kethudā*²⁸ [Škalić 1966: 186–187]: *везирскому Кегаю* (Рикот. С. 80), *в чин Кегаи-Беи, еже есть намъстник Аги Янычарскаго* (Рикот. С. 249). Но оно одновременно изменяется и как существительное общего рода первого склонения при обозначении лиц обоего пола: *Кегая Беи, намъстник Янычарский* (Рикот. С. 19), *везирскому Кегай* (Рикот. С. 81), *шатры... Кегаи, или великаго дворецкаго* (Рикот. С. 261), *едино Кадынь-Кегаю, или управителницу* (Рикот. С. 50).

Тюркские существительные, оканчивающиеся на [i] (*beşli* — *бешли*)²⁹, [j] (*beu* — *бей*), [ü] (*müftü* — *муфтий*), в русском переводе изменяются по мягкому варианту второго склонения: *Бешли, о Бешлях* (Рикот. С. 260), *иждивением Беев* (Рикот. С. 272), с каким *Беем* (Рикот. С. 88); *Муфтии... подает* (Рикот. С. 7), *принудили Муфтия* (Рикот. С. 25), — параллельно с вариантами *Муфтеи повельъл* (Рикот. С. 25), *единого Муфтея* (Рикот. С. 177), *предложено Муфтею* (Рикот. С. 143); во мн. ч.: *вступали в чин Муфтеев* (Рикот. С. 180), *возлагалися на Муфтеев* (Рикот. С. 180).

Тюркские существительные с суффиксами *-сі* (*baltacı* — *балтаджи*), *-џи* (*topçu* — *топчи*) со значением лица по принадлежности к профессии встречаются в контекстах в форме им. п. мн. ч. в большинстве случаев как неизменяемые, совпадающие с тур. формой ед. ч.: *Топчи, то есть пушкар* (Рикот. С. 257), *всѣ Бастанджи*³⁰ (Рикот. С. 247), *Балтаджи*³¹, *или топоров носители* (Рикот. С. 52), *Джебеджи*³², *которые*

²⁷ *Кадын* [Ихсаноглу 2006: 407–408]. От тур. *kadın* (< перс.-араб.) ‘женщина’ [Škalić 1966: 379].

²⁸ В «Истории Османского государства» представлена именно перс. форма *кетхуда* [Ихсаноглу 2006: 117 и др.].

²⁹ *Бешли* [Ихсаноглу 2006: 308] — ‘член конного отряда из пяти человек’. От тур. *beş* ‘пять’ + суфф. *lı* [Škalić 1966: 139–140]. В «Монархии Турецкой» в форме ед. ч. слово не зафиксировано.

³⁰ В словосочетании зафиксирована единственная форма на *-а* (возможно, ошибочная, как описка): *посадить за караул Бастанджа Пашу* (Рикот. С. 21).

³¹ *Балтаджи* [Ихсаноглу 2006: 119 и др.]. От тур. *baltacı* ‘дровосек’; *balta* ‘топор’ [Škalić 1966: 118].

³² *Джебеджи* [Ихсаноглу 2006: 287 и др.] — ‘каптенармусы, снабжавшие янычар во время военных действий амуницией’. От тур. (< араб.) *cebeci: cebe* ‘броня’ + суфф. *ci* [Škalić 1966: 234].

управляют Артиллерию (Рикот. С. 29). При этом зафиксированы падежные формы, указывающие на тенденцию к адаптации данных тюркизмов ко второму склонению существительных на *-ей* или *-ий*: по одному Чурбачею (Рикот. С. 251), Санджакчеи³³ повельвают полковником (Рикот. С. 226), берутся в Балтаджеи (Рикот. С. 248), Балтаджи и которые суть стража носящая топоры (Рикот. С. 23). О той же тенденции к включению в указанную парадигму свидетельствуют и формы род. п. мн. ч.: около двух сот Балтаджиев (Рикот. С. 23), из сих Бастанджиев (Рикот. С. 53), пять сот Тапчиев (Рикот. С. 236). См. также словарную статью *Бостанджи* и грамматическую помету в ней: «им. мн. -жи и -жиин» [СРЯ XVIII, вып. 2: 115].

Тюркские существительные с суффиксом *-dar*³⁴ (типа *defterdar* ‘главный казначей’) изменяются по парадигме второго склонения с твердой и мягкой основой — очевидно, по аналогии с группой слов на *-ар* (*-арь*): *гончар*, *гвоздарь*, *вратарь*. При этом суффикс в заимствовании передается в двух фонетических вариантах: как *-дар* (после гласных) и как *-тар* (после согласных): *Силихтар Ага*³⁵, *Рекибтар Ага*, *Чегодар Ага*³⁶, *Ебриктар Ага*³⁷ (Рикот. С. 38), *Тефтедар* (Рикот. С. 74) и *Тефтедарь* (Рикот. С. 111), тогда как в косвенных формах ед. и мн. ч., в им. п. мн. ч. отмечен только мягкий вариант основы: *Тефтедарю* (Рикот. С. 35, 80), *к Селихтарю* (Рикот. С. 24), *сии Сердары*, *своих Сердарей*³⁸ (Рикот. С. 252). К этой группе заимствований (к варианту парадигмы на твердый согласный) оказалось отнесенным по закону аналогии и слово *янычар*, хотя оно этимологически восходит к сложному слову, образованному соединением корней, т. е. бессуффиксным способом³⁹.

К особому типу морфологической адаптации можно отнести передачу сложных заимствований. Текст «Монархии» насыщен словами, которые обозначают понятия, связанные с административно-политическим устройством Османской империи. Часто это сложные слова с вариантным написанием: *Аджамугланы*, *Аджам-Уланы*, *Кызлар-Ага*. К группе сложных слов следует отнести и случаи раздельного написания их частей (*Капа Ага*, *Капа Агасы*) — в силу того, что на диахроническом срезе русского языка XVIII в. орфографические нормы еще не устоялись.

Подобные единицы в тюркских языках оформляются изафетными конструкциями разного типа и рассматриваются, в частности в турецком языке, как «особый тип сложных слов» [Graham 2015: 117]. В «Монархии» отмечаются следующие

³³ *Санджакбей* [Ихсаноглу 2006: 129 и др.] — ‘наместник санджака (военно-административной единицы)’. От тур. *sancak beyi* [Škalić 1966: 548]. Искаженная форма — результат переноса опечатки из итальянского перевода: *Sangiachey* (Ricaut it. S. 239).

³⁴ Перс. суффикс *-dar* образует в турецком языке существительные со значением лица по действию, роду деятельности, занятию [Škalić 1966: 24].

³⁵ *Силихдар агасы* [Ихсаноглу 2006: 302, 375] — ‘султанский оруженосец’.

³⁶ *Чухадар* ‘камердинер султана’ [Ихсаноглу 2006: 375]. Тур. (< перс.) *çuhadar* от перс. *çuha* ‘мягкая ткань высокого качества’ [Škalić 1966: 179].

³⁷ В тексте толкуется как «той который носит воду, которую пьет, и умывается ею Султан». От тур. *ibrik* (< араб. и перс.) ‘сосуд для воды, с узким горлышком и крышкой’ [Škalić 1966: 338–339].

³⁸ *Сердар* [Ихсаноглу 2006: 132 и др.] — ‘военачальник’. От тур. (< перс.) *serdar* [Škalić 1966: 559].

³⁹ От тур. *yeniceri* < *yeni* ‘новый’ + *çeri* ‘армия’ [Škalić 1966: 362]. Ср. выводы Ф. Грэхем о морфологическом статусе этого слова в сербском (боснийском) языке: «The suffix *-ar* exists in Turkish but a similar suffix — *-arji*, borrowed via Germanic... was also productive in Slavonic languages. The word *yeniceri* most likely lost its final *-i* by analogy to nouns with the *-ar* ending in Bosnian: e. g. *stražar* ‘guard’ [Graham 2015: 98].

особенности передачи изафетных конструкций как трансформаций в виде сложных слов.

1. Перенос изафетных конструкций из итальянского текста в русский перевод. Обычно это односуффиксальный изафет, когда определяющим компонентом выступает существительное, а к определяемому добавляется притяжательный суффикс 3 л. ед. ч. (в нашем случае это *-i/-i/-si*). В русском тексте это сложное слово с формантами *-и/-ы/-сы* в его постпозитивном элементе: *Генерал сего воиска называется Янычар-Агасы* (Рикот. С. 250), ср.: *Il Generale di questa Milizia si chiama Ianisar Agasi* (Ricaud it. S. 267); *Hetman albo General tego Wojska zowie się Janczar Agasy* (Ricot pl. S. 228). *Адмирал или Генералиссимус Флота морскаго у Турок называется Капитан Паиша, а Вице-Адмирал называется Терсана-Кегаясы* (Рикот. С. 274), ср.: *Lammiraglio, ouero Generalissimo dell'Armata Nauale de' Turchi, si chiama Capitan Bascià. Il suo Luogotenente Tershanu Kiahiasi* (Ricaud it. S. 295); *Admirał, albo General Morski u Turkow zowie się Kapitan Basza, iego Namiestnik Tershane Kiiazy* (Ricot pl. S. 249). *Тот час пошли пошли Везирь и Сулеиман ага до каморы Капа Агасы*⁴⁰ (Рикот. С. 21), ср.: *Fù ipedito subito alla Camera del Capà Agasi* (Ricaud it. S. 21); *Poszedł sam Wezyr y Soliman Aga prosto do mieszkania Kara Agi* (Ricot pl. S. 20). *Переулоч, которым ходят к хоромам Капа Агасы* (Рикот. С. 214), ср.: *Il Vestibulo, che conduce agli alloggiamenti del Capà Agasi* (Ricaud it. S. 225); *Ganki, co prowadzią do złożenia Kara Agasy* (Ricot pl. S. 196). *Отходит на мьсто Капа Агасы* (Рикот. С. 214), ср.: *e vā à porsi nel luogo del Capà Agasi* (Ricaud it. S. 225); в пол. тюркизм передан через толкование (глоссирование): *stawa na mieyscu Ewniucha starszego nad Pokoiowymti* (Ricot pl. S. 196). *Солак-Башии*⁴¹, *то есть Капитан над тьми Янычаны, которые имьют луки и стрьлы* (Рикот. С. 251), ит. *Solack Basci* (Ricaud it. S. 267); *Solak Baszy* (Ricot pl. S. 228). *Пеук-Башии или начальник над Пеуками*⁴², *которые подобятя пажам Салтанским* (Рикот. С. 251), ср.: *Peik Basci* (Ricaud it. S. 267); *starszy nad Paiokami* (Ricot pl. S. 229).
2. Перенос «усеченного» изафета из итальянского варианта в русский текст: определяемый член изафетной конструкции соотносится в русском сложном слове с формой им. п. постпозитивного элемента слова, суффикс притяжательности опускается: *Силихтар Ага, Чегодар Ага, Рекибтар Ага* (Рикот. С. 38), *оньий Капа Ага* (Рикот. С. 21) (на месте ожидаемой формы *агасы*). Ср.: *Selectar-Agà, Chioadar-Agà, Rechinbtar-Agà* (Ricaud it. S. 40); *Silichtar Aga, Chiuhadar Aga, Mirachor Aga* (Ricot pl. S. 37); *il Capà Agà* (Ricaud it. S. 21); *Kara Aga* (Ricot pl. S. 20).
3. Игнорирование стандартного изафета в итальянской версии и передача сложного слова «усеченным» изафетом, т. е. в русском переводе определяемый член изафетной конструкции передается формой им. п. постпозитивного элемента сложного слова: *Кесниджир Баиша, Дзангерджи Баиша* (Рикот. С. 39); ср. *Chesnigir Basci, Zangergi Basci* (Ricaud it. S. 40); *Chesnagir Baszy*,

⁴⁰ *Капы агасы* 'глава белых евнухов' [Ихсаноглу 2006: 374]. От тур. *kapı* 'двери' [Škalić 1966: 393] + *ağa* + суфф. *si* (изафет).

⁴¹ *Солакбашии* [Ихсаноглу 2006: 274 и др.] — 'глава солаков (султанских телохранителей)'. От тур. *solak* 'левша' [Škalić 1966: 569] + *baş* 'начальник, глава'.

⁴² *Пейк* [Ихсаноглу 2006: 119, 377]. От тур. (< перс.) *peyk* 'глашатай' [Škalić 1966: 514].

Zagardži Baszy (Ricot pl. S. 40), хотя в то же время (и в том же фрагменте) форма изафета в итальянском варианте переносится в русский перевод: *Турнакчи Баши*⁴³, *Бер Бер Баши*⁴⁴ (Рикот. С. 39); ср.: *Turnackgi Basci, Berber Basci* (Ricaut it. S. 40); *Turnakdži Baszy, Berber Baszy* (Ricot pl. S. 40).

Русский переводчик, таким образом, копирует изафетные конструкции в итальянском варианте текста в их полном или неполном виде, хотя отмечены и факты независимого появления в переводе сложных слов на основе «усеченного» изафета. Тенденция к морфологической адаптации сложных заимствований присутствует, но она выражена слабо и охватывает ограниченный круг слов.

Так, в случаях бессуффиксального изафета, когда определяющим выступает прилагательное, а определяемое суффикса не требует (типа *demir yol* — *железная дорога*), в русском эквиваленте сложного слова его постпозитивный элемент может склоняться: в *Бююк Аду*⁴⁵ (Рикот. С. 35), ср.: *do Byiukody* (Ricot pl. S. 34); *из Хас-Ады*⁴⁶, *сиртьчь из камары Салтанскои* (Рикот. С. 250), ср.: *z Nazody* (Ricot pl. S. 228). Но одновременно фиксируются случаи его неизменяемости: *Учинил его тотчас Ичугланом Ац ада, то есть своя каморы* (Рикот. С. 45) (в пол. пер. текст иной). Ср. также: *вшедши во Ада ту, или в камору Султанскую* (Рикот. С. 24) (в пол. пер. текст иной).

Точно так же при передаче односуффиксального изафета, когда определяющим выступает существительное (типа *kız kulesi* — *девичья башня*), суффикс поссессивности может сохраняться (*к хоромам Капа Агасы*), но достаточно часто и опускается, при этом второй элемент сложного слова обретает соответствующие русские флексии. Явление отмечается, когда в слове постпозитивным элементом выступают существительные на *-а*, уже вошедшие в русский лексический фонд и примкнувшие к первому склонению — *ага, паша (баша)*: *Бастанджи Баша, или начальник садов* (Рикот. С. 53), ср.: *Bostandži Baszy* (Ricot pl. S. 50); *под хранение Капа Аги* (Рикот. С. 34), ср.: *pod dyrekciją Kara Agi* (Ricot pl. S. 33); *встретья Кызлар-Агу... главу евнухов женских* (Рикот. С. 19), ср.: *potkał Solimana Kuzlir Ağı* (Ricot pl. S. 18); *стан Янычар-Аги*⁴⁷ (Рикот. С. 261), ср.: *swego Agi, albo Hetmana* (Ricot pl. S. 238); *посадить за караул Бастанджа Пашу* (Рикот. С. 21), ср.: *na poimanie Bostanži Basze* (Ricot pl. S. 20); *от двух Капычибашей*⁴⁸ (Рикот. С. 111, 112), ср.: *dway Kapidži Baszowie* (Ricot pl. S. 106, 107)⁴⁹.

⁴³ В тексте толкуется как ‘тои которыи обрѣзывает ногти Султану’. От тур. *turnak* ‘ноготь’ [Юсипова 2005: 585].

⁴⁴ В тексте толкуется как ‘первыи бритовщик’. От тур. (< перс.) *berber* (из ит. *barbiere* ‘брадобрей’) [Škalić 1966: 138].

⁴⁵ *Бююк ода* [Ихсаноглу 2006: 116] — ‘вторая ступень Эндеруна’. От тур. *büyük* ‘большой’ + *oda* ‘комната, помещение’ [Юсипова 2005: 84, 425].

⁴⁶ *Хас ода* [Ихсаноглу 2006: 117] — ‘личные покои султана; последняя (седьмая) ступень Эндеруна’. От тур. *has* ‘султанский, императорский’ + *oda* [Юсипова 2005: 238].

⁴⁷ *Ага янычар* [Ихсаноглу 2006: 145]. От тур. *yeniceri ağası*.

⁴⁸ *Капыджибаши* ‘глава привратников’ [Ихсаноглу 2006: 376]. От тур. *kapıcı başı*.

⁴⁹ Ср. любопытные случаи формоизменения суффикса изафета в рус. и пол. переводах: *возбудите Капа Агасу* (Рикот. С. 21), ср.: *aby obudzili Kara Ağı* (Ricot pl. S. 20); *провожают Янычар Агу, или их Генерала* (Рикот. С. 250), ср.: *rowadzi Janczar Agasego, albo Hetmana swego* (Ricot pl. S. 228), а также спорный случай, где форма определяемого компонента может рассматриваться и как изафет, и как русская флективная форма: *власть Бастанджи Баши* (Рикот. С. 53), ср.: *wladza Bostandži Basze* (Ricot pl. S. 50).

Схожие процессы в морфологической адаптации тюркизмов — сложных слов, образовавшихся из изафетных конструкций, наблюдаются и в других славянских языках⁵⁰.

Выводы

Представленные выводы носят частный характер, так как связаны с анализом передачи тюркизмов в русском языке XVIII в. на материале одного источника. Тем не менее результаты сравнения печатного текста русского перевода «Монархии Турецкой» с типографской рукописью, в которой представлена корректура справщика (справщиков?), а также с итальянским и польским (который мог служить ориентиром при правке) текстами «Монархии» показывают следующее.

Значительная часть тюркизмов в «Монархии Турецкой», обозначающих реалии Османской империи, — это опосредствованные заимствования из итальянского языка, хотя влияние польского языка также исключить нельзя.

Фонетическая адаптация тюркизмов в переводе отражает, с одной стороны, зависимость переводчика от источника перевода («итальянизированные» формы), с другой — обнаруживает как его самостоятельность при создании русского текста, так и творческую работу справщика. Характер правки в ряде случаев показывает иное, отличное от позиции переводчика отношение к фонетической передаче тюркизмов (напр., кыпчакские рефлексy *o > y*).

Морфологическая адаптация существительных осуществляется главным образом по формальному признаку. Слова на *-a* (*ага*, *баши*) изменяются по первому склонению. Слова на *-й* (*муфтий*, *муфтей*), трансформируясь, склоняются по мягкому варианту второго склонения. Тюркские существительные на согласный легко адаптируются ко второму склонению (твердый или мягкий варианты): *бей*, *тефтедар* и *тефтедарь*. Исключение составляет существительное на согласный, обозначающее лицо женского пола: в переводе оно изменяется по мягкому варианту парадигмы первого склонения (*кадыня*).

Разные способы передачи сложных существительных, которым в тюркских языках соответствуют изафетные конструкции, в общем и целом суть копии их представления в итальянском переводе. В русской «Монархии» фиксируются также случаи вариантной передачи второго элемента сложного слова (*Кана Ага* и *Кана Агасы*). В случаях «усеченного» изафета сложное слово в русском переводе имеет тенденцию к формоизменению. Однако в таких сложных словах второй элемент представлен ограниченным кругом лексем: *баши* (*наша*), *ага* и *ада* (*ода*).

Выявлены единичные случаи (возможно, их больше), когда в русском тексте используются тюркизмы на месте ожидаемого европеизма — в итальянском или польском переводе.

⁵⁰ Ф. Грэхем на материале сербского (боснийского) языка, который на протяжении столетий контактировал с турецким языком, показывает, что чаще всего сложное слово образовывалось путем отсечения суффикса притяжательности (*-il/-il-si*) в изафете: *selamaga* < *selam agası*; *beşlaga* < *beşli ağası* [Graham 2015: 118]. Она же отмечает (ссылаясь на выводы К. Костова и А. Граннеса), что случаи сохранения суффикса притяжательности в заимствуемом сложном слове (типа *akşam pazari* < *akşam pazarı*) исключительно редки [Graham 2015: 117–118].

Анализ небольшой группы тюркизмов в «Монархии Турецкой» возвращает к вопросу об отборе тюркизмов в источниках русского языка XVIII в. и их представлении в [СРЯ XVIII]. Основания для включения в Словарь разного рода экзотизмов в «Проекте» изложены достаточно гибко: «Слова, выражающие понятия и явления, характерные для чуждой действительности, связанные с тем или иным особым этноязыковым коллективом или культурным регионом, вносятся в Словарь избирательно, с учетом их употребительности, историко-культурной значимости, популярности у русских читателей данного времени и дальнейшей перспективы их усвоения русским языком» [Сорокин 1977: 22]. Об употребительности многих тюркизмов в источниках XVIII в. и их очевидной актуальности для русского читателя того времени свидетельствует значительное число публикаций, посвященных описанию социально-политического устройства Османской империи, традиций и быта населявших ее народов, среди которых «География или краткое земного круга описание» [География 1710], «Книга систима или состояние мухамеданской религии» [Кантемир 1722], «Военное состояние Оттоманской империи» [Марсилы 1737], «Известие о двух возмущениях, случившихся в Константинополе 1730 и 1731 г.» [Известие 1738], а также материалы энциклопедического характера, изложенные в «Новом словотолкователе» Н. Яновского [Яновский 1801–1803].

В случае включения тюркизма в [СРЯ XVIII] необходимо верное определение его этимона и установление, по возможности, языка — источника заимствования. Полнота и объективность данной информации может быть обеспечена при совместной работе тюркологов (ориенталистов) и славистов (см.: [Stachowski 2018a]).

Исследование новых источников, в том числе рукописных, может уточнить язык — посредник тюркского заимствования, а также скорректировать некоторые вариантные формы. Так, в словарной статье *Бостанджи* в качестве этимона указано тур. *bostanji* с пометой *непоср. и через фр. Bostangi-Bachi* [СРЯ XVIII, вып. 26: 115]. Однако доказательств о непосредственном вхождении слова из турецкого нет, так как самая ранняя фиксация относится к 1703 г. (цитата из «Ведомостей времени Петра Великого»), причем она дана в варианте *бостангир*, который, возможно, является опечаткой. И в то же время не зафиксирована форма *бастанджи*, отмеченная в «Монархии». (К вариантным формам заимствований вообще следует относиться весьма осторожно, о чем свидетельствует сравнение разных переводов «Монархии».)

Отдельная сложность при отборе тюркизмов и их включении в [СРЯ XVIII] состоит в том, что не всегда возможно спрогнозировать динамику их использования в русском языке. Так, авторы концепции [Сорокин 1977] и составители [СРЯ XVIII] вряд ли могли предвидеть актуализацию в русском языке XX–XXI вв. многих слов из числа конфессиональной лексики. В результате, например, вне выборки по «Книге систима» (1712 г.) оказались такие слова, как *хадж* (*гадж* — Кантемир 1722. С. 170, 186), *халаль* (*галал* — Кантемир 1722. С. 170), *харам* (*гарам* — Кантемир 1722. С. 170), *курбан* (Кантемир 1722. С. 155) и др., хотя некоторые из них являются первыми фиксациями в русском языке XVIII века.

Часть из описанных выше тюркизмов становится, таким образом, предметом дискуссии об их лексикографическом представлении в СРЯ XVIII, но большая часть из них (если не все) могла бы пополнить картотеку СРЯ XVIII.

Источники

- География 1710 — *География или краткое земного круга описание*. М.: [Б. и.], 1710. 106 с.
- Гистория — «*Гистория управления настоящего империи Оттоманской*» (типографская рукопись). БАН. Ф. 34.5.28.
- Известие 1738 — *Известие о двух возмущениях, случившихся в Константинополе 1730 и 1731 г. при низложении Ахмета III и возведении на престол Магомета V*. Пер. с фр. [В. К. Тредиаковского]. СПб.: [Тип.] при Имп. Акад. наук, 1738. 38 с.
- Кантемир 1722 — Кантемир Д. К. *Книга систима или состояние мухамеданской религии*. [СПб]: В тип. царствующего Санктпитебурха, 1722. 379 с.
- Марсильи 1737 — Марсильи Л. Ф. *Военное состояние Оттоманской империи с ее приращением и упадком*. Пер. В. К. Тредиаковского: в 2 ч. СПб.: [Тип.] при Имп. Акад. наук, 1737.
- Рикот — Рикот П. *Монархия Турецкая, описанная чрез Рикота бывшего аглинского секретаря посольства при Оттоманской Порте*. Переведена с польского на российский язык. СПб.: [Тип.] при Имп. Акад. наук, 1741. 278 с.
- Яновский 1801–1803 — Яновский Н. М. *Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту...*: в 3 ч. СПб.: [Тип.] при Имп. Акад. наук, 1801–1803.
- Ricaud en. — Ricaud P. *The History of the Present State of the Ottoman Empire*. 6th ed. London, 1686. 406 p.
- Ricaud fr. — Ricaud P. *Histoire de l'état present de l'Empire Ottoman*. Seconde edition. À Paris, 1670. 661 p.
- Ricaud it. — Ricaud P. *Istoria dello stato presente dell'Imperio Ottomano*. Venetia, 1672. 296 p.
- Ricot pl. — Ricot P. *Monarchia Turecka, opisana przez Ricota sekretarza posla angielskiego*. W Slucku, 1678. 251 s.

Словари

- Аникин — Аникин А. Е. *Русский этимологический словарь*. Вып. 1–13. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2007–2019.
- СЛРЯ XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Вып. 1–28. М.: Наука, 1975–2008; Вып. 29. М.: Азбуковник, 2011; Вып. 30. М.; СПб.: Нестор-История, 2015; Вып. 31. М.: Лексрус, 2019.
- СРЯ XVIII — *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 1–22. Л., СПб.: Наука, 1984–2019.
- Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*: в 4 т. Изд. 2-е, стереотип. М.: Прогресс, 1986–1987.
- Юсипова 2005 — Юсипова Р. Р. *Турецко-русский словарь*. М.: Рус. яз. — Медиа, 2005. 694 с.
- COD — *The Concise Oxford Dictionary of Current English*. 7th ed. Oxford: Oxford University Press, 1982. 1264 p.
- Richardson 1810 — Richardson J. *A Vocabulary Persian, Arabic and English. Abridged from the quarto edition of Richardson's dictionary*. London, 1810. 643 p.
- Skok — Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*: u 4 knj. Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1971–1974.
- Škalić 1966 — Škalić A. *Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku*. Sarajevo: Svijetlost, 1966. 661 s.

Литература

- Биржакова и др. 1972 — Биржакова Е. Э, Войнова Л. А., Кутина Л. Л. *Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования*. Л.: Наука, 1972. 431 с.
- Ихсаноглу 2006 — *История Османского государства, общества и цивилизации*: в 2 т. Т. I. *История Османского государства и общества*. Ихсаноглу Э. (ред.). Пер. с тур. В. Б. Феоновой. М.: Восточная литература, 2006. 601 с.
- Каримуллина 2007 — Каримуллина Г. Н. *Тюркские лексические элементы в русской лингвографии XVIII–XX веков*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 19 с.
- Керами 2004 — Керами Ю. *Военно-административная лексика турецко-тюркского происхождения в русском языке*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 18 с.
- Коркмазова 2004 — Коркмазова Л. М. *Освоение в русском языке тюркизмов с неясными основами*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2004. 22 с.

- Николаев 1988 — Николаев С. И. Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи. *Русская литература*. 1988, (1): 162–172.
- Сорокин 1977 — *Словарь русского языка XVIII века. Проект*. Сорокин Ю. С. (ред.). Л.: Наука, 1977. 164 с.
- Сводный каталог 1966 — *Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725–1800)*: в 4 т. М.: Книга, 1966. Т. III. 514 с.
- Соколов, Малышева 2019 — Соколов А. И., Малышева И. А. «Монархия Турецкая» в переводе П. А. Толстого как источник изучения русского языка начала XVIII века. *Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование*. 2019, 4 (36): 34–43.
- Тенишев и др. 1984 — Тенишев Э. Р., Левитская Л. С., Покровская Л. А. и др. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика*. Тенишев Э. Р. (ред.). М.: Наука, 1984. 484 с.
- Graham 2015 — Graham F. *Turkish Loanwords in Seventeenth- and Eighteenth-Century Bosnian and Bulgarian Franciscan Texts: A Thesis Submitted for the Degree of Doctor of Philosophy*. [Oxford]: University of Oxford, 2015. 344 p.
- Grannes 1980 — Grannes A. *Loan Compounds in Bulgarian Reflecting the Turkish Indefinite Izafet-construction*. Oslo: Universitetsforlaget, 1980. 56 p.
- Schweickard 2015 — Schweickard W. Paul Rycaut, The Present State of the Ottoman Empire. Textual tradition and lexical borrowings from Turkish. *Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis*. 2015, (132): 187–196.
- Stachowski 2018a — Stachowski M. Problemy metodologiczne z badaniem orientalizmów w języku polskim. *Studia Językoznawcze: synchroniczne i diachroniczne aspekty badań polszczyzny*. 2018, (17): 303–314.
- Stachowski 2018b — Stachowski M. *Rachatlukum* w słowiańskich ustach. *Rocznik Slawistyczny*. 2018, (LXVII): 103–113.

Статья поступила в редакцию 6 сентября 2020 г.
Статья рекомендована в печать 3 декабря 2020 г.

Alexander I. Sokolov

Saint Petersburg State Institute of Technology,
26 Moskovsky pr., St. Petersburg, 190013, Russia
Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
9, Tuchkov per., St. Petersburg, 199034, Russia
albanev@ya.ru

Irina A. Malysheva

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
9, Tuchkov per., St. Petersburg, 199034, Russia
iamalysheva@mail.ru

Turkisms in one of the early Russian translations of the 18th century

For citation: Sokolov A. I., Malysheva I. A. Turkisms in one of the early Russian translations of the 18th century. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (1): 187–201. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.110> (In Russian)

The article considers Turkic borrowings in the Russian language at the beginning of the 18th century. The material of the study was a translation of the 17th century treatise “The History of the Present State of the Ottoman Empire” written by the English diplomat Paul Rycaut and translated into a number of European languages. The Russian translation was done by P. A. Tolstoy from the Italian version in 1702–1714 and published as “The Turkish Monarchy” in 1741. The study presents the methods of phonetic (orthographic) and morphological adaptation of Turkisms by comparing a typographical manuscript for typesetting with edits (made in 1725) and the printed text. The article aims at comparing the usage of borrowings with their forms in the Italian version of the treatise and in the Polish translation since the latter,

apparently, was used in the process of typographical editing of the Russian text. A number of distorted forms of Turkisms that appeared in the Russian “Monarchy” as a result of the mechanical transfer of typos from the Italian translation were revealed. It has been established that the translation of compound nouns identified in the Turkic languages as *izafet* constructions was mainly a copying of their forms from the Italian translation. Most of the Turkisms in “The Turkish Monarchy” are exoticisms, but likely relevant for the Russian reader of the 18th century. Hence, the principles of including exoticisms in the “Dictionary of the Russian Language of the 18th Century” require clarification because a number of Turkisms denoting confessional concepts in modern Russian are part of active vocabulary.

Keywords: Russian historical lexicology and lexicography, Turkisms, Paul Ricaut, The Turkish Monarchy.

References

- Биржакова и др. 1972 — Birzhakova E. E., Voinova L. A., Kutina L. L. *Studies on the Historical Lexicology of the Russian Language of the 18th Century: Linguistic Contacts and Borrowings*. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1972. 431 p. (In Russian)
- Ихсаноглу 2006 — *History of the Ottoman State, Society and Civilization*: in 2 vols. Vol. 1. *History of the Ottoman State and Society*. Ihsanoglu E. (ed.). Transl. by V. B. Feonova. Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 2006. 601 p. (In Russian)
- Каримуллина 2007 — Karimullina G. N. *Turkic Lexical Elements in the Russian Linguography of the 18th–19th Centuries*. Abstract of the Thesis for PhD in Philological Sciences. Kazan, 2007. 19 p. (In Russian)
- Керами 2004 — Kerami Iu. *Military-administrative Vocabulary of Turkish-Turkic Origin in Russian*. Abstract of thesis for PhD in Philological Sciences. Ufa, 2004. 18 p. (In Russian)
- Коркмазова 2004 — Korkmazova L. M. *The Assimilation of Turkisms with Unclear Bases in the Russian Language*. Abstract of thesis for PhD in Philological Sciences. Makhachkala, 2004. 22 p. (In Russian)
- Николаев 1988 — Nikolaev S. I. On the attribution of translated monuments of the Peter the Great era. *Ruskaia literatura*. 1988, (1): 162–172. (In Russian)
- Сорокин 1977 — *Dictionary of the Russian language of the 18th century. Project*. Sorokin Yu. S. (ed.). Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1977. 164 p. (In Russian)
- Сводный каталог 1966 — *Consolidated Catalogue of the 18th Century Russian Book of the Civil Press (1725–1800)*: in 4 vols. Moscow: Kniga Publ., 1966. Vol. 3. 514 p. (In Russian)
- Соколов, Малышева 2019 — Sokolov A. I., Malysheva I. A. “The Turkish Monarchy” in P. A. Tolstoy’s Translation as a Source for Studying Early Eighteenth-Century Russian. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Filologiya. Teoriia iazyka. Iazykovoie obrazovanie*. 2019, 4 (36): 34–43. (In Russian)
- Тенишев и др. 1984 — Tenishev E. R., Levitskaia L. S., Pokrovskaia L. A. et al. *Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Phonetics*. Tenishev E. R. (ed.). Moscow: Nauka Publ., 1984. 484 p. (In Russian)
- Graham 2015 — Graham F. *Turkish Loanwords in Seventeenth- and Eighteenth-Century Bosnian and Bulgarian Franciscan Texts: A Thesis Submitted for the Degree of Doctor of Philosophy*. [Oxford]: University of Oxford, 2015. 344 p.
- Grannes 1980 — Grannes A. *Loan Compounds in Bulgarian Reflecting the Turkish Indefinite Izafet-construction*. Oslo: Universitetsforlaget, 1980. 56 p.
- Schweickard 2015 — Schweickard W. Paul Ricaut, The Present State of the Ottoman Empire. Textual tradition and lexical borrowings from Turkish. *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*. 2015, (132): 187–196.
- Stachowski 2018a — Stachowski M. Problemy metodologiczne z badaniem orientalizmów w języku polskim. *Studia Językoznawcze: synchroniczne i diachroniczne aspekty badań polszczyzny*. 2018, (17): 303–314.
- Stachowski 2018b — Stachowski M. *Rachatlukum* w słowiańskich ustach. *Rocznik Sławistyczny*. 2018, (LXVII): 103–113.

Received: September 6, 2020

Accepted: December 3, 2020